

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

© 2010 г. Т. И. Вендина

В статье излагаются лингвогеографические методы декодирования языка карты и предлагается решение проблемы хронологической интерпретации лексических изоглосс.

The paper deals with the linvo geographical methods of map decoding. Some solutions of solving the problem of chronological interpretation of lexical isoglosses are proposed.

Публикация Общеславянского лингвистического атласа открыла перед исследователями новые перспективы в изучении и осмыслении богатейшего диалектного материала, бывшего ранее во многом неизвестным, а потому долгое время оставшимся в тени при описании диалектного ландшафта Славии и тех языковых процессов, которые протекали в славянских диалектах в прошлом и имеют место сегодня. Картографирование языкового материала на огромном пространстве terra Slavica придало картам Атласа статус особо ценного источника лингвистической информации, так как чем больше территория, тем вероятнее получение новых сведений о дифференциации славянских диалектов.

Атлас предоставил исследователям лексический материал, который дает основания для нового взгляда на традиционно устанавливаемые связи не только в современной, но и праславянской Славии, так как любая лингвистическая карта, построенная по принципу “от значения к слову” и охватывающая обширную территорию, отражает и территориальное распределение лексем, и временное. Поэтому карты Атласа, с развернутой на них экспозицией лексико-словообразовательных и фонетико-грамматических явлений, требуют сегодня глубокого анализа и всестороннего изучения межславянских диалектных соответствий, так как они являются довольно сложными как в структурно-типологическом отношении, так и по своим хронологическим характеристикам.

Карты Общеславянского лингвистического атласа говорят о том, что эксплицированный на них материал в хронологическом плане оказывается чрезвычайно разнородным, так как изоглоссы межславянских соответствий проецируются в разновременные плоскости. Поэтому перед читателем предстает довольно сложная ареалогическая картина связей и отношений славянских языков. Несмотря на то, что в основу Вопросника Атласа

был положен принцип диахронического тождества общеславянских корней и лексем, на его картах наряду с праславянскими оказались и лексемы более позднего образования, являющиеся свидетельством собственной истории славянских языков и их диалектных контактов. Более того, материалы ОЛА содержат многочисленные факты, отражающие не праславянские, а общеславянские процессы, формирование изоглоссных областей в период существования языков славянских народностей. Поэтому истинная картина связей и отношений славянских языков периода праславянской эпохи оказалась во многом затемнена более поздними временными напластованиями.

Для осмысления этой картины простое суммирование выявленных изоглосс мало что дает. Кроме того, механическая кумуляция этих изоглосс “без учета их возможной хронологической соотнесенности отражает пережившие себя атомистические установки традиционного языкознания, не согласующиеся с принципами системного описания всех уровней языка” [1, с. 15].

Поэтому межславянские ареальные связи невозможно рассматривать только в одной плоскости – статистических соответствий, ибо они не укладываются в какой-либо один ареальный сценарий¹, кроме того, происходит отождествление разных по времени изоглосс, которые отличаются друг от друга и по своей древности, и по устойчивости, и по количеству и употребительности охватываемых ими слов, и по своему значению для разных уровней языка, см., например [3, с. 23].

¹ Ср. в связи с этим точку зрения Э. Бенвениста: “Ясно, что исследование, оперирующее соответствиями лишь как количественными величинами..., заранее обречено на неудачу. Ни число сопоставлений, ни число языков, признанных родственными, не может являться предметом математического исчисления. На самом деле мы должны рассматривать степень родства между членами больших семей родственных языков как переменную величину, способную принимать различное значение” [2, с. 44–45].

Для понимания истинного характера ареальных связей славянских языков важное значение имеет общеславянская перспектива, так как она дает возможность выяснить, какие из выявленных параллелей отражают и продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи.

Но для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо понимать язык карты, научиться ее читать. Разрозненная фиксация диалектно-языковых фактов, представленная на картах разных томов Атласа, требует сегодня своего теоретического осмысления, декодирования их в логически последовательные цепи, отражающие реальную связь изучаемых явлений во времени и пространстве. Не случайно современный этап развития лингвистической географии нередко определяют как этап становления “объясняющей лингвогеографии” [4, с. 7], имеющей своей целью глубинную интерпретацию лингвистической карты и сопряженный с ней анализ эксплицированных языковых явлений.

Трудность, однако, заключается в том, что в отечественной лингвистической географии (как, впрочем, и в зарубежной) еще довольно плохо проработаны методологические основы приемов и принципов научного осмысления картографических данных в ареальном аспекте, а тем более методика чтения карт разного типа². Возможно, именно поэтому материалы атласов еще довольно медленно вводятся в научный оборот.

И в этом смысле слова С.Б. Бернштейна о не востребованности диалектологических атласов, высказанные им более двадцати лет назад, остаются актуальными и сегодня [7, с. 3–4]. Причина,

по его мнению, кроется в том, что пока еще не разработана новая методика чтения лингвистических карт, в связи с чем исследователи, и особенно историки языка, не могут в полной мере использовать все факты, которые им дают диалектологические атласы.

Характерно, что об этом же говорилось и в 60-е годы XX в., однако в лингвогеографии мало что изменилось (ср., в связи с этим следующий пассаж: “Важность лингвистических атласов как ценнейшего материала для построения истории языка бесспорна. Несмотря на это, в славистике еще мало работ, в которых делались бы попытки воссоздать историю системы языка или ее фрагментов на основе соответствующей интерпретации изоглосс картографируемых в атласах явлений. Невнимание к данным лингвогеографии в работах исторического плана может быть отчасти объяснено тем, что методика ретроспективного изучения фактов, представленных в атласах, по сути дела, отсутствует” [8, с. 68]), и она по-прежнему остается в известной степени “закрытой” областью языкознания, а атласы имеют сравнительно ограниченный круг пользователей.

Действительно, лингвистическая карта трудна для восприятия, причем не только для неподготовленного читателя, но и для специалиста, так как это довольно “специфический текст, несущий слишком большой объем разноплановых языковых сведений, зачастую не только не известных ранее из других источников информации, но и противоречащих устоявшимся языковедческим стереотипам и постулатам... Кроме того, не востребованность атласов может быть объяснена и недостаточной разработкой приемов истолкования данной информации” [9, с. 86].

Существующий сегодня разрыв между эмпирическими успехами лингвистической географии и состоянием разработки ее теоретико-методического аппарата является одним из парадоксов ареальной лингвистики. Будучи увлеченной своими реальными достижениями в решении масштабных задач, связанных с изучением территориального варьирования единиц того или иного языка, лингвистическая география довольно долго шла по пути экстенсивного развития, оставляя без должного внимания вопросы, связанные с используемым ею методическим инструментарием. В результате сложилось неадекватное соотношение диапазона накопленных диалектных фактов и их интерпретации, которая в лучшем случае имеет описательный характер.

Между тем “лингвистическая география не сводится к картографированию, будучи сугубо исторической наукой, а значит, это не составление

² Кроме известных положений о типах ареалов (центральный ~ маргинальный, непрерывный ~ разорванный и проч.) и их относительной хронологии (ср., например, положение М. Бартоли об интерпретации явления как архаического, если оно зафиксировано в изолированных, периферийных или в обширных ареалах [5, с. 10–13], разработанных в свое время представителями неолингвистики (М. Бартоли, Дж. Бонфанте, В. Пизани), методологические приемы научного осмысления представленного на карте материала специальной разработки практически не получили. В этом отношении отрядным событием явилась статья И.А. Дзендзелевского “Некоторые вопросы интерпретации лингвистических карт”, в которой была предпринята попытка конкретизировать эти общие положения на материале различных славянских лингвистических атласов. Однако и эта статья была посвящена в основном описанию типов языковых ландшафтов и установлению их относительной хронологии, и лишь в конце статьи, отмечая, что ареалы и изоглоссы на карте с многочисленным противопоставлением чаще всего хронологически различны, автор говорит о приеме последовательного снятия более поздних слоев с целью выявления на карте исходного двучленного (а иногда и нулевого) противопоставления [6, с. 100].

атласов, а их интерпретация, использующая понятие ареала, изоглоссы, очага распространения и такой критерий, как обращенность в прошлое” [10, с. 7]. При этом методика описания выявленных диалектных фактов имеет свою специфику по отношению к методологии общего языкознания. Разработка же методологии ареальных исследований отстает от роста накапливаемого материала. “Отдельные фрагменты теории и некоторые удачные методические находки еще не сложились в стройную и строгую систему... Выработать свою научно обоснованную методологию и методику – нет задачи для ареальной лингвоэтнографии более острой, более важной и более трудной”, – писал еще в 80-е годы В.А. Никонов [11, с. 24].

Однако в настоящее время разработка методов лингвистической географии является по существу своеобразным “побочным” продуктом ареальных исследований, хотя нельзя не признать, что ее успехи были бы более впечатляющими при целенаправленной разработке теории и методов (например, методов отграничения праязыковых истоков некоторых инноваций от процессов развития новообразований, возникающих параллельно и являющихся фактами собственной истории отдельных славянских языков или методов хронологической стратификации эксплицируемого на карте материала и т.д.).

Положение усугубляется еще и тем, что общие методологические проблемы лингвогеографии, и в частности, проблемы изучения и интерпретации типов лексических ареалов долгое время были на периферии исследовательских интересов, поскольку для ареальной лингвистики было характерно внимание преимущественно к фактам фонетики, а не лексики. Будучи строго ограниченными и количественно обозримыми, фонетические элементы служили и служат надежным и непререкаемым критерием в сравнительно-исторических и ареально-лингвистических штудиях. Пронизывая всю толщу языка, фонетические различия отчетливо проявляются на всех языковых уровнях и поэтому являются наиболее очевидными, заметными даже неискушенному исследователю. “Лексический же материал, понимаемый как открытое множество сравнительно быстро изменяющихся элементов, трудно поддающихся системной интерпретации, либо вообще не принимался во внимание в качестве самостоятельного критерия, либо использовался с крайней осторожностью как дополнительный, вспомогательный аппарат, призванный подтвердить выводы, полученные на основе фонетического или морфологического исследования” [12, с. 126]; подробную критику этих взглядов см. [13, с. 5–10].

Однако на современном этапе славистических исследований, когда в значительной степени исчерпаны возможности внутренней реконструкции на фонетическом и морфологическом уровнях, все большее значение приобретают данные лексики. “География слова, территориальное распределение лексем, отражающее взаимоотношения носителей диалектов в разные исторические эпохи, расширяет и углубляет картину ареальных связей, полученную при изучении грамматических и фонетических изоглосс” [14, с. 26]. Именно данные лексики дают более дифференцированный и количественно богатый материал для изучения межславянских языковых связей. Поэтому сегодня лексический материал не только не игнорируется в сравнительно-исторических исследованиях, но и активно привлекается как полноценный критерий, представляющий самостоятельный интерес для этих исследований³.

Выдвижение на первый план лексики при изучении сходств и различий славянских языков стало возможным благодаря таким крупномасштабным славистическим проектам, как реконструкция праславянского лексического фонда (“Этимологический словарь славянских языков” и “Słownik prasłowiański”) и Общеславянский лингвистический атлас. Работа над Общеславянским лингвистическим атласом способствовала тому, что в настоящее время прочно утвердился лингвогеографический аспект изучения праславянской лексики и постепенно пришло осознание того, что ключ к решению проблем славянского этногенеза лежит в изучении древнейших пластов лексики.

Нельзя, однако, не признать (и лингвогеографам это хорошо известно), что при изучении диалектной карты наибольшие трудности вызывают именно лексические диалектизмы, судьбы которых в каждой частной диалектной системе нередко оказываются индивидуальными. В отличие от фонетических и морфологических диалектных

³ Ср. в связи с этим слова О.Н. Трубачева, который, говоря об изучении балто-славянских отношений, писал в статье “Языкознание и этногенез славян”: “Разный инвентарь лексем для выражения одинаковых понятий, а подчас и различие самих принципов номинации в балтийском и славянском подтверждает правильность современного подхода, согласно которому словарные данные весьма показательны для исследования лингво- и этногенеза” [15, с. 5]. Положение о вторичности (и даже факультативности) лексических данных по сравнению с фонетическими в реконструкции древнего диалектного членения постепенно утрачивает свою актуальность, поскольку все чаще появляются работы, в которых эта реконструкция проводится с опорой именно на лексические данные (ср., например, многочисленные работы М.Сл. Младенова, О.Н. Трубачева, Л.В. Куркиной и др.).

различий, представленных довольно компактными пучками изоглосс, лексические диалектизмы при первом знакомстве с картой предстают часто в виде хаотического переплетения изоглосс, не поддающихся прочтению.

В связи с этим чрезвычайно продуктивным, как представляется, является прием рекартографирования, имеющий своей целью поэтапное прочтение карты путем упорядочивания представленных на ней материалов и укрупнения ареалов картографируемых лексем. В этом случае карта из иллюстрации превращается в самостоятельный объект анализа, и факты, отраженные на ней, становятся особенно значительными благодаря избранному масштабу исследования.

Этот прием (как, впрочем, и сам термин) был в свое время использован М.А. Бородиной в ее монографии “Проблемы лингвистической географии” с целью доказать существование диалектных границ (и шире – диалекта как территориальной единицы) на материале “Лингвистического атласа Франции” Ж. Жильерона и Э. Эдмона. Обращение к этой идее было во многом вызвано тем, что результаты лингвистического картографирования лексики в атласе Ж. Жильерона и Э. Эдмона оказались настолько неожиданными, что заставили создателей атласа высказать даже сомнение в существовании диалектов. Достаточно вспомнить, как много нападок выдержал этот лексический атлас и сам его автор, ошеломляющим открытием которого явилось то, что диалектные границы растворились в отдельных линиях (подробнее см. [16, с. 34]).

В связи с этим М.А. Бородина поставила перед собой задачу проверить выводы Ж. Жильерона на конкретном материале “Лингвистического атласа Франции”. Используя прием рекартографирования, она вычертила изоглоссы распространения того или иного слова, поскольку материал в атласе был представлен в форме надписей у каждого населенного пункта, что при достаточно плотной сетке этих пунктов делало карту, естественно, трудно читаемой. Сама М.А. Бородина, оценивая проделанную работу, так писала об этом: «Должна сознаться, что увидеть контуры диалектов в картах “Лингвистического атласа Франции” оказалось во много раз проще, чем показать и доказать увиденное, а тем более интерпретировать полученные изоглоссы. На это ушли многие годы кропотливого труда, связанного с рекартографированием карт ЛАФ, их дополнением и проверкой, а иногда и реконструкцией» [16, с. 23].

Думается, однако, что прием рекартографирования при всей его трудоемкости обладает высоким диагностическим потенциалом. Он позволяет

доказать, что лексические диалектизмы – это не “хаос изоглосс”, пересекающих диалектную территорию в разных направлениях, без какой-либо закономерности, а организованная определенным образом совокупность, обнаруживающая четкие тенденции к группировке в более или менее компактные пучки изоглосс, которые надо лишь научиться “читать”. Кроме того, такой прием дает возможность более четко представить сведения о характерных лексических особенностях тех или иных славянских диалектов, рассмотрев их в общеславянском контексте.

В этом смысле материал Общеславянского лингвистического атласа представляет особую ценность, так как он дает возможность по-новому взглянуть на межславянские лексические параллели и обратиться к изучению специфики отдельных славянских диалектов как компонентов славянского континуума в целом. Ценность материалов Атласа определяется еще и тем, что карта позволяет визуально оценить значимость (*valeur*) каждой изоглоссы в общеславянском масштабе, так как география и характер ареала многое проясняют в природе возникновения этих схождений. Понятно, что классификационный вес точечного ареала или масштабного, а также изоглосс, связывающих пограничные диалекты разных языков, и диалекты, не имеющие точек соприкосновения, будет разным.

При этом карта дает возможность не только выявить ареальные связи славянских диалектов, но и рассмотреть их во временном плане. В соответствии с постулатом лингвистической географии карта, являясь пространственной проекцией элементов языковой системы диалектов, позволяет исследователю описать формирование диалектных различий в их исторической перспективе, поскольку фактор пространства всегда неразрывно связан с фактором времени. Языковые различия в пространстве тождественны языковым различиям во времени: “существование языка в пространстве и существование языка во времени – одно и то же явление существования языка во времени-пространстве” [17, с. 304]. Поэтому возможность пространственной визуализации межязыковых схождений делает реальной и временную стратификацию картографируемых лексем подобно той, которой располагает славистика, предлагая относительную и даже абсолютную хронологию для многих фонетических и грамматических явлений праславянского языка.

Но здесь возникает проблема хронологической интерпретации лексических изоглосс. К сожалению, славистика пока не располагает **надежными** критериями для хронологического расслоения языкового материала.

Сегодня в лингвистической географии прочно утвердился тезис основателя «неолингвистической» школы М. Бартоли о существовании взаимосвязи между географическим распространением языкового явления и временем его возникновения. Это положение явилось ключом к осмыслению проблемы разграничения архаизмов и инноваций и определения центров иррадиации новых явлений. Однако «закономерности соотношения типов ареалов и хронологии самих явлений, сформулированные М. Бартоли на материале романских языков, имеют скорее индикативный характер, т.е. они лишь указывают на *возможность* истолкования явления, например, как архаического, если оно зафиксировано в изолированных, периферийных или в значительных по территории областях» [18, с. 363]. Как справедливо отмечал Р.И. Аванесов, «из лингвистических карт нельзя непосредственно вывести историю языковых явлений и диалектов. Однако лингвистическая география оказывается чрезвычайно важной для истории языка и исторической диалектологии и может помочь установлению пути развития данного явления, времени его возникновения и первоначальной территории его распространения, если... используются данные языка письменных памятников, языковые данные сопоставляются с данными истории материальной культуры, исторической географии, археологии разных эпох» [19, с. 25]. Трудности диахронической интерпретации фактов, синхронно зафиксированных на лингвистических картах, порождены, в частности, тем, что информация о временной стратификации представлена на картах в «закодированном» виде: исследователь может лишь констатировать самый факт «специализации времени». При «декодировании» проблематичны, по крайней мере, два момента. С одной стороны, исследователь на базе синхронных фактов строит чисто *логическую* модель диахронических отношений, что вовсе не означает адекватного отражения соответствующих процессов. С другой стороны, пока не удастся точно сформулировать процедуру дешифровки хронотопической информации, содержащейся в двухмерном пространстве (плоскости) лингвистических карт, которая может способствовать достоверному восстановлению стадий в истории тех или иных явлений. Поэтому на современном уровне развития ареалологии приходится использовать далеко не совершенные трактовки ареальных ситуаций, предложенные неолингвистикой» [18, с. 364].

Думается, однако, что выход из этого положения подсказывает сама лингвистическая география с ее пространственными и лингвистическими критериями.

Как показала лингвогеографическая практика, и в частности работа над Общеславянским лингвистическим атласом, при рассмотрении этого вопроса следует, по-видимому, принимать во внимание следующие критерии.

Формально-картографические признаки ареала

1. Пространственная характеристика ареалов (являются ли ареалы дистантными или контактными).

2. Место локализации ареалов, т.е. находятся ли ареалы в трех языковых группах (в восточной, западной, южной), в двух (в восточной и западной, в восточной и южной или в западной и южной) или только в одной группе, что является важным при хронологической стратификации материала.

3. Качественная характеристика ареала – обширный или островной (или даже точечный), непрерывный или разорванный, характер его границ (ровные границы или резаные) и самой его «плотности» (является ли ареал сплошным или дисперсным).

Однако помимо ареальных признаков при определении относительной хронологии выявленных изоглосс чрезвычайно важную роль играют и собственно лингвистические критерии.

Лингвистические признаки ареала

1. Тип основы корреспондирующих лексем (производный/непроизводный).

2. Наличие/отсутствие дериватов, однокоренных с корреспондирующими лексемами.

3. Локализация дериватов (в рамках одной или разных языковых групп).

4. Наличие/отсутствие явления конкуренции с другой лексемой в данном ареале.

5. Характер значения корреспондирующих лексем (прямое или переносное).

6. Характер диалектного противопоставления, представленного на карте (двучленное или многочленное).

7. Типология выявленных лексических соответствий (являются ли они случайными или вписываются в некую микросистему).

8. Количественный показатель выявленных соответствий (являются ли они массовыми или единичными: массовость выявленных схождений невозможно приписать случайности, поэтому она лежит за границей произвола исследователя).

Эти классификационные признаки не претендуют на статус единой всеобъемлющей модели интерпретации лингвистической карты (тем бо-

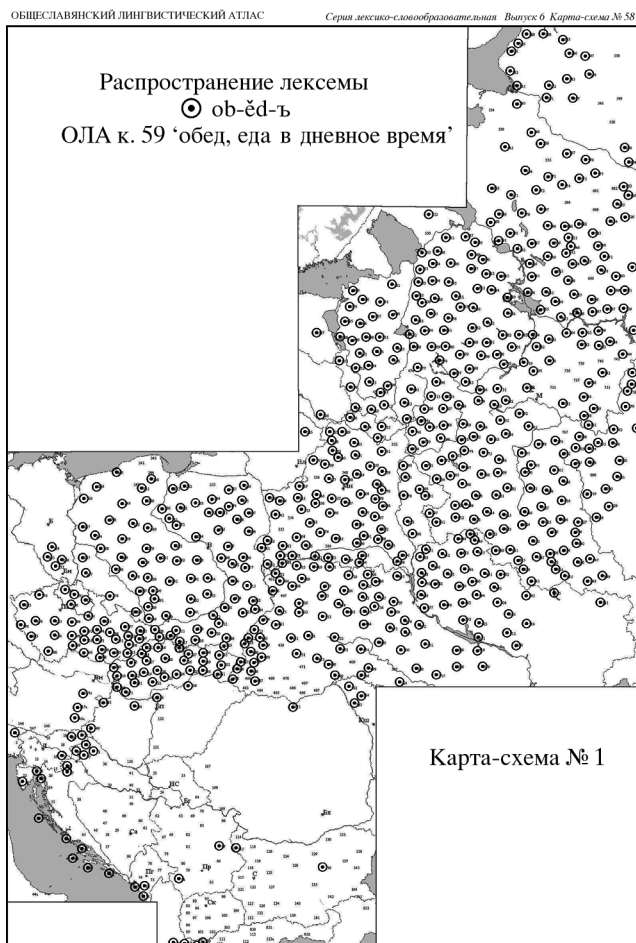
лее что создание такой модели в связи с многообразием типов атласов вряд ли выполнимая задача). Однако они позволяют, как представляется, соотнести генетический и ареальный критерий и установить относительную хронологию выявленных изоглосс, ибо “смысл лингвогеографического метода – в его эвристических возможностях, в том, что пространственное распределение языковых феноменов диагностирует их временную развертку, их генезис” [20, с. 5].

Пространственный критерий дает возможность определить тип ареала, а также его локализацию. При этом наибольшей диагностирующей силой при хронологической стратификации материала будут обладать не только масштабные, но и островные дистантные ареалы, ибо наличие изоглосс, связывающих языки, удаленные на очень большое расстояние, говорит о том, что “языковая общность, сосредоточенная первоначально на сравнительно ограниченной территории, с течением времени рассеялась” [21, с. 184]⁴.

Материал Общеславянского лингвистического атласа показал, однако, что **критерий масштабности ареала** при рассмотрении межславянских лексических соответствий **не следует абсолютизировать**, так как часто наблюдается разрушение ареала. Так, например, среди межславянских параллелей, содержащихся в шестом томе ОЛА “Домашнее хозяйство и приготовление пищи”, представляющем лексику, относящуюся к наиболее древнему пласту, связанному с крестьянским бытом и ведением домашнего хозяйства, **нет ни одной лексемы**, которая, будучи общеславянской, **равномерно покрывала бы всю территорию Славии**. Как правило, эти немногочисленные лексемы (ср. *ob-ěd-ъ* к. 59 ‘обед, еда в дневное время’ (см. карту-схему 1); *večer-j-a* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’; *večer-j-a-j-e-tь* к. 64 ‘ест ужин’; *sěr-a* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’⁵) имеют повсеместное распространение на одних территориях и ограниченное – на других. Невольно напрашивается вывод: чем больше территория, тем меньше лексем, способных ее “освоить” (или “удержать”) полностью.

⁴ Ср. в связи с этим следующий тезис: “Когда в лингвистическом пространстве могут быть найдены два или более ареала с тем же явлением, это указывает на то, что данное явление существовало на промежуточной между ними территории” [22, с. 34].

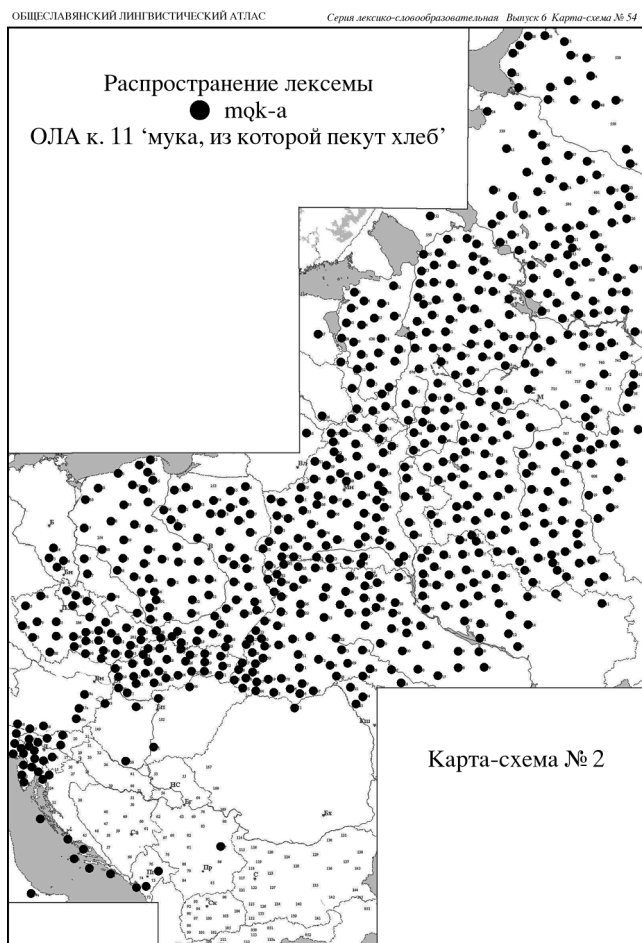
⁵ Примеры приводятся в морфонологической транскрипции, принятой в ОЛА. Морфонологическая транскрипция позволяет обобщить фонетические записи, сделанные в полевых условиях в том или ином диалекте, с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами. Словоформа, зафиксированная в диалекте, приводится в скобках в фонетической транскрипции ОЛА.

Интересно, что разрушение ареала лексем, имеющих общеславянское распространение, начинается с юго-востока южнославянского континуума, так как именно в болгарских и македонских диалектах часто наблюдается либо сужение ареала корреспондирующих лексем, имеющих широкое распространение на остальной территории Славии, либо вообще их отсутствие, ср., например, распространение лексем *mok-a* к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ (см. карту-схему 2); *žed-j-a* к. 9 ‘желание, потребность пить’; *ob-ěd-ъ* к. 59 ‘обед, еда в дневное время’; *vь-kqs-ьн-ъ* к. 65 ‘вкусный’ (о еде) и др.⁶

Кроме того, **масштабность ареала может свидетельствовать не только о его архаичности, но и о сравнительно позднем возникновении.**

⁶ Интересно, что сходная картина прослеживается и в опубликованном недавно фонетическом томе Атласа “Рефлексы *o”, в котором также представлены материалы по всем славянским диалектам. Именно в болгарских и частично македонских диалектах наблюдаются лакуны в распространении древнейших лексем, известных на всей остальной территории Славии (см., например, карты **опь*, **она*, **отьсь* и др.).

Доказательством может служить распространение лексемы *gъb-uš-ъk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (см. карту-схему 3), которая имеет обширный ареал в русских диалектах. Края его довольно ровные, практически совпадающие с государственной границей России, что в соответствии с теорией ареалов является свидетельством инновации. Обращение к истории русского языка подтверждает это наблюдение, так как ни в "Материалах для словаря древнерусского языка" И.И. Срезневского, ни в "Древнерусском словаре XI–XIV вв.", ни в "Словаре русского языка XI–XVII вв." данная лексема не фиксируется.

Языковые явления, локализующиеся в дистантных ареалах, могут квалифицироваться также по-разному. Они могут сигнализировать не только о древних контактах между двумя этносами или этническими группами в пределах одного этноса, но и о независимой параллельной инновации, а также о сохранении общего архаического фонда (подробнее см. [23, с. 104–105]).

Так, в частности, положение о сохранении общего архаического фонда можно проиллюстри-

ровать распространением лексемы *рѣп-а* к. 31 'пенка' (на молоке), которая имеет островные дистантные ареалы в севернорусских, в юго-западных и полесских украинских говорах, в словенских, некоторых хорватских (кайкавских и чакавских) диалектах, а также в говорах Эгейской Македонии.

Немаловажной представляется и качественная характеристика ареала, так как микроареалы являются, как правило, территориальными величинами позднего времени, поскольку репрезентируемое ими языковое явление как новое, только нарождающееся не получило еще в них широкого распространения из-за наличия других, более употребительных и лингвистически активных форм, ср., например, ситуацию в словенских и хорватских диалектах, отраженную на к. 11 'мука, из которой пекут хлеб', где наряду с широко распространенной лексемой *mqk-a* существует ареально ограниченная лексема *mel-j-a*, которая имеет микроареалы в словенских (белокраинских, штаерских и паннонских) и хорватских (кайкавских) диалектах.

При этом следует отметить, что каждый тип ареала требует к себе особого внимания, поскольку даже так называемые *чистые ареалы* (когда существенных диалектных различий не наблюдается) или *мозаичные* (когда четкие изоглоссы выявить не удастся) свидетельствуют о разных внутрдиалектных процессах и их временной глубине: чистые ареалы являются чаще всего свидетельством консервации сохранившейся архаики (при условии, если это не заимствованная лексема, как например, лексема (*stokan*)-ъ на к. 6 'стакан' из тюрк. (чагат.) *tostakan* [24, III, с. 743], которая имеет плотный ареал в восточнославянских диалектах), а мозаичные – свидетельством разрушения ареала или междиалектной интеграции.

Что касается лингвистического критерия, то здесь чрезвычайно важным является характер основы выявленных корреспонденций, поскольку славянские лексемы с непроемной основой будут обладать большим классификационным весом при хронологической стратификации материала, нежели производные. Наличие же возникших на их базе производных имен является еще одним усиливающим фактором, так как словообразовательные дериваты как бы расширяют "радиус их действия". Это положение можно проиллюстрировать распространением лексемы *kraj-ъ* на к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'. Данная лексема может быть отнесена к несомненным архаизмам несмотря на то, что она имеет лишь островные ареалы в русских (архангельских и тверских), хорватских (чакавских и штокавских икавских), сербских (штокавских зетских и призренско-тимокских) и словацких (среднесловацких) диалектах. Основанием для отнесения ее к архаизмам служит то, что она имеет дистантные ареалы, которые локализуются в трех славянских языковых группах. Кроме того, эта лексема обладает непроемной основой, на базе которой образовались многочисленные дериваты, расширившие радиус ее распространения практически до общеславянского, ср.: рус. *kraj-ix-a* (*kra'juxa*), *kraj-uš-ъk-ъ* (*k'rajušek*); рус.-блр. *kraj-uš-ъk-a* (рус. *kra'juška*; блр. *kra'juška*); рус.-укр.-блр.-слн.-хрв.-слц. *krašj-ъc-ъ* (рус. *k'rajic*; укр. *k'raĭc*; блр. *k'raic*; слн. *krajc*; хрв. *k'raĭjec*; слц. *krajec*); рус.-блр.-укр.-плс.-слц. *ob-kraj-ъc-ъ* (рус. *ak'raic*; блр. *ak'rajic*; укр. *ok'rajec*; плс. *okrajec*; слц. *okrajec*); блр.-укр. *ob-kraj-ъĭ-ik-ъ* (блр. *ak'rajčyk*; укр. *ok'rajčyk*); хрв.-укр. *sъ-kraj-ъc-ъ* (хрв. *sk'rajec*; укр. *sk'rajec*); серб.-плс. *sъ-kraj-ъk-a* (серб. *skrājka*; плс. *skrajka*); слц. *kraj-ik-ъ* (слц. *kraji:k*); чеш.-слц. *kraj-ič-ъk-ъ* (чеш. *krajiček*; слц. *kraji:ček*); серб.-мак. *kraj-ъk-a* (серб. *krà:jka*; мак. *krajka*); серб. *kraj-ik-a* (серб.

kra'ika); мак.-блг. *kraj-itj-ъn-ik-ъ* (мак. *kraišnik*; блг. *k'raešnik*); *kraj-ъĭ-ĕ* (мак. *krajče*; блг. *k'rajči*) и т.д.

Наконец, лексема *kraj-ъ* сохраняет свое прямое этимологическое значение, соотносящееся с глаголом **krojiti* 'резать' [25, 12, с. 88], т.е. то, что отрезано, "место отреза или разрыва" [24, II, с. 364]; [26, I, с. 438]; [27, I, с. 376], что также свидетельствует в пользу ее архаичности.

Лексемы же, структура которых в словообразовательном отношении "является прозрачной, оказываются более поздними" [28, с. 122]. Это, однако, не означает, что лексемы, представленные производной основой, следует исключать из поля зрения. Ведь даже "Этимологический словарь славянских языков" – это словарь словообразовательно-этимологический, и "его задачей является инвентаризация праславянского пласта лексики славянских языков во всем словообразовательном многообразии, а отнюдь не одной только корневой лексики" [29, с. 35]⁷, ср., например, распространение лексемы *běl-ъk-ъ* на к. 42 'белая часть яйца', прозрачность словообразовательной структуры которой не мешает "Этимологическому словарю славянских языков" квалифицировать ее как праславянскую, что подтверждает и география этой лексемы, которая распространена практически во всех славянских диалектах (за исключением хорватских).

Важным (хотя и не определяющим) является и характер условий бытования корреспондирующих лексем, в частности, отсутствие явления конкуренции с другой лексемой в данном ареале, что свидетельствует о ее своеобразной "стойкости", устойчивости к переменам, ибо хорошо известно, что чем больше зафиксировано лексем в том или ином ареале, тем больше оснований говорить о неустойчивости языкового явления в этом ареале. Иллюстрацией этого положения может служить распространение лексемы *mqk-a* на к. 11 'мука, из которой пекут хлеб', которая является безальтернативной в западнославянских, русских и белорусских диалектах. В украинских, словенских, хорватских и сербских диалектах положение этой

⁷ Обосновывая такой подход к составлению "Этимологического словаря славянских языков", О.Н. Трубачев пишет: "Едва ли полезно проводить слишком ригористическое общее правило такого рода, так как в этом случае предлагается отбросить многое несомненно древнее и праславянское. Став на этот путь, следовало бы включить в словарь в основном темные и непрозрачные слова, что резко бы обеднило представление о вероятном реальном составе живых слов праславянского языка. Кроме того, сама специфика славянских языков во многом такова, что словообразовательная структура особенно долго сохраняет в них свою прозрачность" [29, с. 36–37].

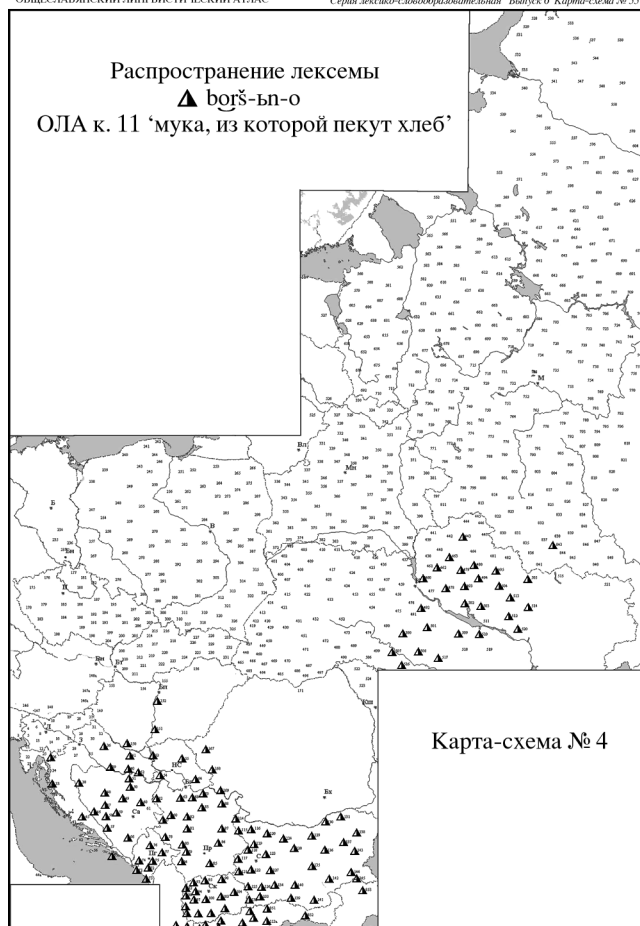
лексемы является нестабильным, так как наряду с ней зафиксированы лексемы *borš-yn-o*, *mel-j-a*, *mel-iv-o*, *myl-iv-o* и др. Такая же ситуация отражена на к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка': о позднем появлении лексемы *gъrb-uš-ьk-a* в украинских и белорусских диалектах свидетельствует не только островной характер ее ареала, но, что, пожалуй, более существенно — отсутствие проявления последовательности в ее распространении, так как в большинстве украинских и белорусских диалектов, где она зафиксирована, наблюдается явление конкуренции с другой лексемой (ср. п. 454 *cěl-uš-ьk-a*, *gъrb-uš-ьk-a* (*c'ī'luška*, *har'buška*); пп. 328, 519 *ob-kraj-ьc-ь*, *gъrb-uš-ьk-a* (*ak'rajic*, *γar'buška*); пп. 349, 368, 388 *ob-kraj-ьč-ik-ь*, *gъrb-uš-ьk-a* (*ak'rajčyk*, *γar'buška*); п. 363 *ob-suš-ьk-ь*, *gъrb-uš-ьk-a* (*o'sušok*, *γor'buška*) и т.д.).

Таким образом, при использовании лингвистического критерия важное значение приобретает фактор системных отношений.

В этой связи существенным критерием является и характер значения корреспондирующих лексем, так как диалектные названия, "возникшие в результате метафорического употребления, эвфемизации, табу и проч., обыкновенно являются более поздними сравнительно с обыкновенным названием на широком ареале" [6, с. 97]. Это наблюдение подтверждается ареалом лексемы *gъrb-uš-ьk-a*. О том, что этот ареал сформировался достаточно поздно, по-видимому уже в рамках самостоятельного существования русского языка, свидетельствуют не только очертания его границ, но и метафорический характер значения, а также мотивационного признака, лежащего в основании внутренней формы этой лексемы.

Наконец, чрезвычайно важным критерием, позволяющим провести стратификацию материала в хронологическом аспекте, является тип диалектного противопоставления, зафиксированный на карте — двучленный или многочленный, так как двучленные противопоставления хронологически являются более древними, чем многочленные⁸. Использование ретроспективного метода, т.е. приема последовательного снятия более поздних образований, позволяет выделить на карте исходное двучленное противопоставление (а иногда даже нулевое, т.е. отсутствие противопоставления в связи с распространением на всей территории

⁸ Эти наблюдения, свидетельствующие о существовании связи между типом ареала и хронологией репрезентируемых им явлений, носят предварительный характер, так как для выявления типологии этих связей необходимо изучение и каталогизация максимально большого количества ареалов.

лишь одного явления). Это положение можно проиллюстрировать ситуацией на к. 11 'мука, из которой пекут хлеб', где после снятия более поздних лексем *mel-j-a*, *mel-iv-o*, *myl-iv-o*, *xlěb-ov-ьk-a*, а также описательной конструкции *xlěb-ov-a mŏk-a*, возникших уже в рамках собственной истории словенских, хорватских и словацких диалектов, обнаруживается двучленное противопоставление лексем *mŏk-a* (которая распространена практически повсеместно, за исключением македонских и болгарских диалектов) и *borš-yn-o* (распространенной в основном в южнославянских — болгарских, македонских, сербских, хорватских) и украинских диалектах (см. карту-схему 4). Наличие лексемы *кращьно* в старославянском языке позволяет высказать предположение, что эта ареальная оппозиция сформировалась уже в позднепраславянский период.

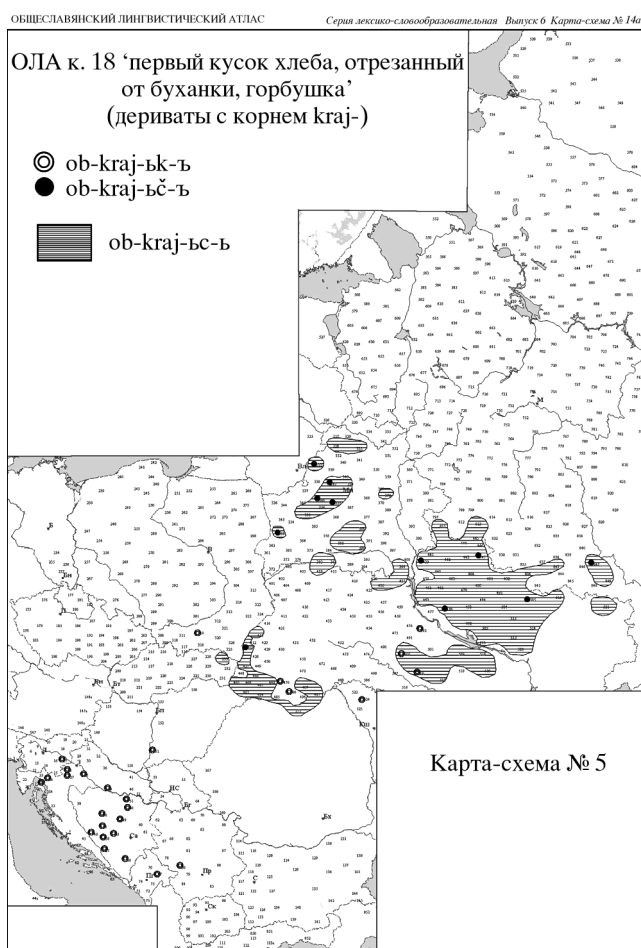
Все эти классификационные признаки дают основание соотнести генетическое и ареальное в межславянских лексических соответствиях и установить их относительную хронологию. Несмотря на это вопрос об архаичном характере тех или иных лексем и шире — их временной страти-

фикации – решать по-прежнему трудно, так как “в лексике более, чем в какой-либо иной области языка, имеют значение междиалектные контакты, в результате чего может явиться экспансия одних лексем и утрата других” [8, с. 106]. Думается, однако, что в решении этого вопроса важная роль принадлежит именно ареальному критерию, ибо локализация лексемы на всем пространстве *terra Slavia* (даже если она будет представлена в виде островных ареалов) является убедительным свидетельством ее архаичности (при условии, конечно, что это не позднее заимствование из неславянских языков).

Поэтому именно пространство является центральным понятием для всего комплекса проблем, связанных с диалектным членением праславянской языковой общности, “именно оно структурирует многообразные микросистемы тех языков, которые по ряду причин оказались втянутыми в данное языковое пространство, накладывая на них неизгладимый отпечаток пространственной характеристики” [1, с. 18].

Так, в частности, именно пространственный критерий позволяет выявить своеобразие русско-польских лексических корреспонденций, сформировавшихся в рамках восточнославянских языков, по сравнению, например, с русско-словацкими, представленными на картах Общеславянского лингвистического атласа [30]. Картина ареального распределения русско-(украинско-белорусско-)польских лексических соответствий свидетельствует о том, что в большинстве своем они образовались довольно поздно, и во многом стимулированы межзональными диалектными связями с украинскими и особенно с белорусскими диалектами. Не случайно именно в этих диалектах корреспондирующие лексемы имеют нередко обширные ареалы, тогда как в русских диалектах они ареально ограничены, причем локализуются обычно либо в южнорусских говорах (как правило, в смоленских или брянских), либо в западной группе среднерусских (особенно в псковских и тверских), подробнее см. [31].

Фактор пространства, а также неравномерность развития диалектных систем, сохраняющих архаические элементы языка, предоставляют исследователям уникальную возможность восстановить причинно-следственные отношения в эволюции того или иного языкового феномена в виде последовательных стадий его исторической трансформации и проследить общее направление развития. Это, в свою очередь, позволяет выявить центр иррадиации и направление инновационных потоков.

Так, в частности, на карте 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ просматривается довольно четкий ареал лексемы *ob-kraj-ъcъ-ъ* (укр. *ok'rajec'*, блр. *ak'rajac*; рус. *ak'rajec*, *ak'raic*): это украинские и белорусские диалекты, а также прилегающие к ним говоры южнорусского наречия.

Для понимания и интерпретации этого ареала необходимо ответить на вопрос, в каком направлении шло распространение этой лексемы, какой язык был “донором”, а какой “реципиентом”?

При решении этого вопроса в лингвогеографии используются следующие критерии:

- 1) фонетическая субституция, определяемая взаимодействием фонологических систем контактирующих языков;
- 2) семантическая субституция, определяемая взаимодействием семантических микросистем контактирующих языков;
- 3) словообразовательная инновация (включая семантическое словообразование) в предполагаемом языке-источнике;

4) географическая смежность языков (подробнее см. [20, с. 7]).

Если внимательно изучить ареал лексемы *ob-kraj-ьс-ь*, то можно увидеть, что ответ на этот вопрос подсказывает сама карта, а именно: плотный ареал этой лексемы в говорах Левобережной Украины, резанные контуры его границ, а также наличие словообразовательных инноваций (ср. распространение лексемы *ob-kraj-ьс-ь-ik-ь* в говорах Полесья и Левобережной Украины) являются свидетельством того, что центр иррадиации лежал именно в этих говорах (см. карту-схему 5).

Эта информация (хотя и в имплицитном виде) содержится и в ареале лексемы *ob-kraj-ьк-ь* (укр. *ok'rajok*), которая генетически (через палатализацию заднеязычного *k*) соотносится с лексемой *ob-kraj-ьс-ь*. Лексема *ob-kraj-ьк-ь* на восточнославянской территории зафиксирована **только в украинских** говорах, причем на той же территории, а иногда и в тех же пунктах, что и лексема *ob-kraj-ьс-ь*, т.е. ареал этой лексемы дает еще один ориентир для определения направления иррадиации. Наконец, об этом говорит и распространение в украинских и белорусских диалектах лексемы *ob-kraj-ьс-ь-ik-ь* (укр. *ok'rajč'ik*; блр. *ak'rajčык*), которая генетически тоже соотносится с лексемой *ob-kraj-ьк-ь* как ее производное, являясь ее ареальным продолжением. Таким образом, обе производные лексемы *ob-kraj-ьс-ь* и *ob-kraj-ьс-ь-ik-ь* генетически соотносятся с лексемой *ob-kraj-ьк-ь*, распространенной в говорах Украины, что делает предположение о направлении иррадиационных потоков лексемы *ob-kraj-ьс-ь* вполне обоснованным.

В заключение следует отметить, что изложенные выше принципы лингвогеографического анализа карты не следует абсолютизировать, а тем более ожидать от них точности математических законов. Это, однако, не умаляет значения общих наблюдений пространственной лингвистики, ибо ее приемы “помогают более или менее верно определить характер явления, но это не значит, что при привлечении новых языковых данных вывод не может быть пересмотрен” [21, с. 180]. Эти классификационные признаки являются лишь ориентирами при декодировании “языка карты” и проникновении в ее глубинные смыслы.

Информация, которую несет в себе лингвистическая карта, еще только начинает изучаться. Умение “читать карту” открывает широкие перспективы не только в исследовании эволюции единиц языка, но и в решении вопроса об истории формирования этнических общностей, ибо

во многом карта имеет бесспорные преимущества перед другими лингвистическими источниками, а иногда она просто безальтернативна (подробнее см. [9, с. 86]). В связи с этим прием рекартографирования дает возможность поэтапного ее прочтения, а значит – адекватной интерпретации развернутой на ней экспозиции языковых явлений в пространственном и временном аспекте. В этом отношении Общеславянский лингвистический атлас является и бесценным источником изучения истории формирования современных славянских языков, и теоретическим полигоном для апробации идей и методов лингвистической географии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макаев Э.А. Проблемы и методы сравнительно-исторического языкознания // Вопросы языкознания. 1965. № 4.
2. Бенвенист Э. Классификация языков // Новое в лингвистике. III. М., 1963.
3. Жирмунский В.М. О некоторых проблемах лингвистической географии // Вопросы языкознания. 1954. № 4.
4. Гриценко П.Е. На подступах к объясняющей лингвогеографии // Арэалогія. Праблемы і дасягненні. Київ, 1993.
5. Bartoli M. Introduzione alla neolinguistica. Genève, 1925.
6. Дзедзелевский И.А. Некоторые вопросы интерпретации лингвистических карт // Вопросы языкознания. 1963. № 4.
7. Бернштейн С.Б. Размышления о славянской диалектологии // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. М., 1986.
8. Клепикова Г.П., Попова Т.В. О значении данных лингвистической географии для решения некоторых вопросов истории болгарского языка // Вопросы языкознания. 1968. № 6.
9. Гриценко П.Е. Об интерпретации лингвистических карт // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 2004.
10. Трубачев О.Н. Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 2002.
11. Никонов В.А. Оптимизация методов ареальной лингво-этнографии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и Этнос. Л., 1983.
12. Маковский М.М. “География слов” и лексические связи германских языков и диалектов // Вопросы языкознания. 1968. № 3.

13. Журавлев А.Ф. Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.
14. Куркина Л.В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992.
15. Трубачев О.Н. Языкознание и этногенез славян // Вопросы языкознания. 1985. № 4.
16. Бородина М.А. Проблемы лингвистической географии. М., 1966.
17. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
18. Клепикова Г.П. Очерки карпатской диалектологии: Предисловие. Введение // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008.
19. Вопросы теории лингвистической географии / под ред. Р.И. Аванесова. М., 1962.
20. Мартынов В.В. Язык в пространстве и времени. М., 1983.
21. Принципы описания языков мира. М., 1976.
22. Бородина М.А. Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов // Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980.
23. Гриценко П.Ю., Стоянов І.А. Українсько-інослов'янські лексико-семантичні міжзональні паралелі // Слов'янське мовознавство. X Міжнародний з'їзд славістів: Зб. доповідей. Київ, 1988.
24. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.
25. Этимологический словарь славянских языков. М., 1974–. Т. 1–.
26. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. I–II.
27. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914. Т. I–II.
28. Климов Г.А. Основы лингвистической компаративистики. М., 1990.
29. Трубачев О.Н. Работа над этимологическим словарем славянских языков // Вопросы языкознания. 1967. № 4.
30. Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи. М., 2007.
31. Вендина Т.И. Русские диалекты в общеславянском контексте. М., 2009.